

упрощение порядка оформления захода-выхода промысловых судов в порты, сокращение портовых расходов.

Считается, что Россия - самая богатая лесами страна в мире. Запасы ее лесов составляют 81,9 млрд. м куб. (22% от мировых), на Дальний Восток России приходится 30 % общероссийских запасов лесов. Расчетная лесосека на Дальнем Востоке в 2001 г. составила 114.8 млн. м куб, реально использовалось 11%[6]. В некоторых районах вырубается намного больше рациональных норм, а в труднодоступных районах лес может не вырубаться вообще. По данным WWF, в Приморском крае ежегодно нелегально заготавливается до 2 миллионов кубометров ценных пород древесины, что составляет 50-70 процентов от легальных рубок.[7].

С Дальнего Востока России в 2002 г. было вывезено 10,35 млн. тонн лесоматериалов, основную часть составили лесоматериалы необработанные – 95,3%. Половина вырубленного леса вывозится в Китай. Экспорт сырья является единственным источником дохода лесодобывающих компаний Дальнего Востока России.

Основным препятствием в борьбе с незаконным вывозом лесных ресурсов является несовершенство законодательства. Согласно ст. 188 Уголовного кодекса РФ перемещение через таможенную границу РФ помимо или с сокрытием от таможенного контроля, в крупных размерах наказывается лишением свободы до 5 лет. Но на ДВ России действуют небольшие лесодобывающие предприятия, а незаконный вывоз в небольших размерах наказывается в соответствии со ст. 16.2 КоАП РФ «Недекларирование либо недостоверное декларирование товаров и (или) транспортных средств».

Таким образом, чтобы избежать необратимых катастрофических последствий, необходимо:

- уменьшить давление человека на среду обитания, человек должен научиться не преобразовывать природу, а вписываться в ее естественные механизмы;
- преодолеть коллективную безнравственность, пересмотреть свои морально-этические установки, в части отношения к природе: экономическое развитие – это не «экономический рост любой ценой»;
- реализовать на практике принципы устойчивого развития: человек обязан думать не только о своей одномоментной выгоде, но и о судьбе будущих поколений людей;
- проводить грамотную налоговую политику, направленную на то, чтобы разрушать и загрязнять было не выгодно.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Protecting the commons. A framework for Resource Management in the Americas / Edited by Joanna Burger et al. Washington: Island Press. 2001. p. 362.
2. Хёсле В. Философия и Экология. М.: Наука, 1993. 205 с.
3. Состояние мира 2002. Доклад института World Watch о развитии на пути к устойчивому обществу. М.: Весь мир, 2003. 324 с.
4. <http://www.fishkamchatka.ru/2004.07.07.2004>.
5. <http://dv.rian.ru.11.07.2005>.
6. http://www.assoc.fareast.ru/fe.nsf/pages/gen_natur_forest.htm
7. <http://www.svoboda.org.19.10.01>.

КОННОТАЦИИ ВОСТОЧНОАЗИАТСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ

Зоя Григорьевна Прошина

АННОТАЦИЯ

Рассмотрены некоторые прагматические аспекты перевода слов английского языка, заимствованных из восточно-азиатских языков. Показано, что при заимствовании английским языком китайских или корейских слов они могут приобретать положительную или отрицательную коннотацию, что необходимо учитывать при переводе на русский язык

ABSTRACT

Some pragmatic aspects of translation from English into Russian are considered. Loan-words from Chinese or Korean languages may acquire positive or negative connotation which should be borne in mind by translators.

Традиционно коннотацию, определяемую как «дополнительное содержание слова (или выражения), его сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение, служат для выражения разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов» (Ахманова, 203-204), относят к области семантики на том основании, что коннотация, наряду с денотативным (предметно-понятийным) компонентом, – один из компонентов структуры лексического значения слова, придающий языковой единице экспрессивную функцию (Телия, 193).

Вместе с тем вполне уместно считать коннотацию не только предметом лингвистической семантики, занимающейся взаимоотношением языка и реальной действительности, но и лингвистической прагматики, отражающей взаимоотношение языка и его пользователей. Действительно, дополнительные экспрессивно-эмоционально-оценочные обертоны, составляющие суть коннотации, проявляют чувства и отношения субъекта к объекту, номинируемому словом, показывают, как используется слово. Коннотативные оттенки слова выявляют субъективный фактор использования языка. Роль коннотативных единиц, таким образом, заключается в привнесении в текст субъективной модальности (Телия, 193).

Структура коннотативного компонента значения слова может быть представлена его типологией. Традиционно выделяемые эмоционально-экспрессивные оттенки, в конечном счете, объединяются в один аксиологический тип, подразделяемый на положительную и отрицательную коннотацию, определение которой нередко детерминировано контекстом (волосёнки в одном контексте может звучать ласково, в другом – пренебрежительно).

В заимствованиях как особом разряде лексического материала положительный или отрицательный заряд коннотации может зависеть от принадлежности слова к группе ксенонимов, т.е. слов, относящихся к внешней, чужой культуре, или группе идионимов, описывающих свою, внутреннюю культуру (Кабакчи, 7). Например, для носителей китайской культуры слово *dazibao* «большой настенный плакат» связано с историей страны, хотя и не с лучшим ее периодом Культурной революции. Однако оно не имеет такого резко отрицательного политического потенциала как в языках и культурах стран Запада, осудивших политику и идеологию маоизма. То есть идионим *dazibao* сравнительно нейтрален по сравнению с ксенонимом *dazibao*.

Обратное соотношение имеет место в заимствованном из корейского языка слове *ach'imgul* „корейский алфавит“. В текстах, написанных корейскими авторами, где это слово выступает в качестве идионима, оно имеет отрицательную коннотацию, поскольку этимология этого слова связана с его простотой до такой степени, что этот алфавит якобы можно было выучить за одно утро, что вызывало неодобрение у ученых мужей, пользовавшихся сложной системой китайских иероглифов в письменном общении. Англоязычный читатель, для которого данное слово является ксенонимом, без дополнительных комментариев этой коннотации не чувствует.

В английском языке большая часть восточноазиатских заимствований, имеющих аксиологические коннотации, характеризуются отрицательными оттенками, что объясняется долгим культурно-этническим противостоянием азиатских и европейских народов как в Азии, так и в англоязычных и других европейских странах. Отрицательные коннотации представлены презрительно-оскорбительными, пренебрежительными, ироничными и даже шутливыми оттенками. Презрительно-оскорбительные, пренебрежительные коннотации имеют слова, относящиеся к сфере этнических отношений (*Jap. Nip, Gook, Chink* и другие, употребляемые белым населением, и *gweilo, keto, gaijin, Pake*, которые можно встретить в речи представителей азиатских народов). Иронично-шутливый оттенок приобрели гибридные образования *Japlish, Chinglish, Konglish*, обозначающие смешение английского языка с японским, китайским и корейским соответственно.

Положительную коннотацию имеют слова с уважительным оттенком значения, привносимым суффиксообразными частями –*chan, -sama, -san*. Суффикс –*chan* употребляется в японском сообществе при обращении к ребенку или домашнему животному «*Chiyo-chan, why are you squatting there behind that tree?*» (Golden, 19), и в этом значении он сохраняется в английском языке для отражения речи японцев.

Суффикс –*sama* используется в семейном или дружеском общении: «*Toda-sama is very wise, very strong, very famous.*» (Clavell, 1212), в то время как уважительный суффикс –*san* характеризует

деловое общение: Tsuji-san has even arranged to pick you and Jean up from your place because the parking would be difficult at the wedding reception hall. (Shelley, 261).

Ласкательный оттенок характерен для многих обращений, используемых в среде азиатских иммигрантов, например, в китайских семьях – ласковое обращение к сыну: Baobao, Xiao Bao – „драгоценный, сыночек“.

В англоязычном контексте употребляется ласкательно-уменьшительное название популярной декоративной собаки Пеке „пекинесик“ от Pekinese.

Кроме аксиологических коннотаций, заимствованные слова обладают культурно-национальной коннотацией, поскольку они привносят в текст элемент экзотики, связанной либо с инокультурной философией (yin-yang, инь и ян, в китайской философии противоположные начала: тени и света, женщины и мужчины и т.п.; feng-shui, фэн-шуй, китайское искусство управления энергетикой), эстетикой (ikebana, икебана, японское искусство аранжировки цветов; wabi-sabi, ваби и саби, принцип изящной простоты, типичный для Японской эстетики), этикой (kowtow, кетау, церемонный восточный поклон согнувшись ниц), кулинарией (dim sum, дим сум, маленькие пирожки; sukiyaki, сукияки, блюдо из говядины; sushi, суси, рисовый бутерброд с начинкой), спортом (sumo, сумо, борьба тяжеловесов; iaido иайдо, искусство владения мечом), бытом (ondol, ондоль, подогреваемый пол в Корее; zabuton, дзабутон, японская подушечка для стояния на коленях; wok, вок, китайская сковорода с выпуклым дном) и с другими сферами. В этом случае эти слова воспринимаются носителями англоязычной культуры как ксенонимы, хотя постепенно они также входят в быт европейцев, теряя оттенок экзотичности (ikebana, origami, futon, karate, karaoke).

Попадая в чужой язык, заимствованное слово может изменять свое значение. Это произошло и с восточноазиатскими заимствованиями, вошедшими в английский язык. В некоторых из них значение смещено в сторону расширения или сужения. Например, слово *tusoon* первоначально обозначало японского сёгуна, т.е. военачальника, имевшего реальную государственную власть в Японии, а затем сместило свое значение, обозначая крупного промышленного магната, при этом часто без коннотативного оттенка, присутствующего у русских эквивалентов «воротила, шишка, акула».

Добавление положительной коннотации к значению заимствованных слов приводит к улучшению, облагораживанию значения. Амелиорация – довольно редкий процесс для восточных заимствований, и, тем не менее, он имеет место. Например, слово *taipan* «владелец иностранной фирмы в Китае» стало обозначать «главу, уважаемого человека, руководителя какого-либо дела»: I'm tai-pan of this operation. (Clavell, 263). Другое слово с улучшенным по сравнению с исконным значением – *ninja*: японский убийца-невидимка, благодаря популярному мультфильму, превратился в благородного альтруистического героя-черепашку (Ninja turtle, the Teenage Mutant Ninja Turtles).

Ухудшение значения, или пейорация, касается преимущественно японских заимствований. Возможно, этому можно найти исторические объяснения: долгое время США поддерживали наиболее тесные из всех азиатских стран отношения именно с Японией, видя в ней будущего конкурента и опасаясь ее как возможного противника, но вступление Японии во Вторую мировую войну резко изменило отношение американцев к японцам, к некоторым их поступкам и проявлениям культуры. Так, например, действие, выраженное словом *harakiri*, японцы рассматривали как наивысшее достижение японского духа (еще в более благородном звучании это ритуальное вспарывание живота называлось *seppuku*). Однако в английском и других западных языках это слово стало ассоциироваться с варварским действием фанатиков-японцев, особенно потерпевших поражение в войне японских солдат и офицеров, и потому для европейцев слово *harakiri* имеет несколько неприятную коннотацию, отражающуюся также в коллокациях, например, *harakiri swap* «торговля валютой, приводящая к финансовым убыткам или очень небольшой прибыли, практикуемая брокерами для привлечения новых покупателей». Аналогично боевой крик японских воинов *banzai*, с которым они шли в атаку, переосмыслен в английском языке до значения прилагательного «самоубийственный, ведущий к неперемому смертельному исходу» - отсюда *banzai attack*, *banzai charge* «отчаянная атака, психическая атака».

Слово *kamikaze* приобрело в английском и других европейских языках отрицательную коннотацию в значениях «террорист-смертник», «безрассудный, опрометчивый человек, бездумно рискующий своей жизнью»: We were nearly run down by a kamikaze on a motorcycle. Но впервые поймала себя на мысли, что мертвые, похожие на манекены, тела женщин-камикадзе и боевиков в

камуфляже вызывают не жалость, а чувство удовлетворенной мести. (Владивосток 29 окт. 2002., с. 4). Для японцев же идиомизм камикадзе характеризуется положительным обертоном: “благородный летчик, не щадящий жизни ради победы” или “спасительный ветер, не допустивший вторжения монголов на территорию Японии”.

Снижение коннотации в английском языке имеет место также в словах *samurai* («японская военщина»); *soshi* «террорист» от японского «энергичный человек»; *chinpira* «японский панк» от «мальчишка»; *geisha* (нередко ассоциируется с проституткой); *mamasan* («хозяйка бара или борделя»); *honcho* «босс, шеф, начальник, командир, «хозяин». Ироничная коннотация последнего слова проявляется, например, в письме к Хиллари Клинтон, присланном в редакцию журнала «Ньюзуик»:

Dear Hillary, I see you're the president's honcho for health reform, which suits me fine. (Newsweek 1993)

Есть и китайские заимствования с ухудшением значения: *chin-chin*, от китайского выражения вежливости *ching*, в английском языке значит «говорить небрежно, спонтанно, не задумываясь»; *rakaroo ticket* в австралийском варианте английского языка имеет значение с отрицательным оттенком «китайская грамота, что-л. запутанное, не поддающееся расшифровке» (*scrawled over like a rakaroo ticket* «нацарапано как китайская грамота»), в то время как слово *rakaroo* нейтрально и значит «китайская лотерея, в которой билеты представляют собой листы, плотно исписанные иероглифами». Отрицательные значения развились и у глагола *shanghai*, образованного от названия китайского города, - «1. спаивать и увозить на судно (для пополнения команды); 2. завлечь куда-л. силой или угрозой; 3. обманом вовлечь в неприятность, поставить в трудное положение».

Корейский ориентализм *Mooney*, образованный от собственного имени *Sun Myung Moon*, Мун, основателя широко распространившейся по всему миру религиозной секты, также имеет отрицательный (ироничный) оттенок в английском языке: *In the United States, members of the church are popularly known as "Moonies," a less than flattering term probably coined by a journalist.* (De Mente, 61)

Говоря о коннотативных оттенках ориентализмов, следует отметить, что некоторые исконно английские слова, используемые для наименования реалий восточноазиатской действительности или азиатско-американских контактов, приобрели новые значения с отрицательной коннотацией. Например, к эпохе Культурной революции относятся следующие слова и словосочетания: *reorganizationist* «член радикальной группы», *splittism* «фракционность», *rectification* «чистка (рядов партии)», *running dog* «приспешник капитализма», *capitalist road* «капиталистический путь развития». В более ранний период англо-китайских контактов новое значение с отрицательной коннотацией появилось у слова *Triad* «тайное (криминальное) общество». Во время Второй мировой войны у выражения *relocation center* возникло значение «концентрационный лагерь, куда интернировали всех японцев, в том числе граждан США, в годы войны».

Несомненно, что переводчику текстов о Восточной Азии или об азиатском иммиграционном наследии в англоязычных культурах необходимо иметь в виду все эти моменты, связанные с коннотативными оттенками в значениях слов. Особенно большое значение имеют аксиологические коннотации. В большинстве слов, заимствованных в английский и русский язык, оценочные коннотации совпадают, так как носители последних объединены принадлежностью к так называемым культурам Запада. Сравните коннотации слов *kamikaze* – камикадзе, *samurai* – самурай(щина), *geisha* – гейша и др.

Однако следует отметить, что количество заимствованных слов восточноазиатского происхождения в русском языке значительно меньше, чем в английском, поэтому одной из проблем опосредованного перевода с английского языка на русский может быть коннотация ориентализмов (типа *honcho*, *soshi*, *yen*), выявить которую можно с помощью соответствующего словаря.

Другой проблемой может стать расхождение коннотаций в значениях слов. Например, английское слово *Bohea* (tea) коррелирует с русским байховый (чай), однако эквивалентом последнего не является, поскольку английское слово обладает отрицательной коннотацией, обозначая низкий сорт черного чая, в то время как русское слово байховый нейтрально в своей оценке.

Таким образом, выводы, к которым мы пришли в данной статье, сводятся к теоретическому и практическому аспектам:

1. Коннотация слов – это семантико-прагматическое явление, учет которого чрезвычайно важен для практики перевода.

2. Коннотация слов-ориентализмов представляет собой два типа, не исключающие друг друга: национально-культурная и аксиологическая коннотация.
3. Особенную важность для переводчика имеет аксиологическая коннотация, которая может совпадать и не совпадать в исходном и переводном языках и которая может влиять на изменение значения заимствованного слова.

Рассмотрены некоторые прагматические аспекты перевода слов английского языка, заимствованных из восточно-азиатских языков. Показано, что при заимствовании английским языком китайские или корейские слова могут приобретать положительную или отрицательную коннотацию, что необходимо учитывать при переводе на русский язык

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1966. – 606 с.
2. Кабакчи В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации: Учеб. пособие. – СПб: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 1998. – 232 с.
3. Телия В.Н. Коннотация // Русский язык: Энциклопедия. – Изд. 2-е, перераб и доп / Гл. ред. Ю.Н.Караулов. – М.: Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия» и издат. дом «Дрофа», 1997. – С. 193-194
4. Clavell J. Noble House. - New York: Dell Books, 1981. - 1370 p.
5. De Mente B.L. NTC's Dictionary of Korea's Business and Cultural Code Words. - Lincolnwood, Illinois: NTC Publishing Group, 1998. - 462 p.
6. Golden A. Memoirs of a Geisha: A novel. – New York: Vintage Contemporaries, 1997. – 434 p.
7. Shelley R. Culture shock! Japan. A guide to customs and etiquette. –Portland: Graphic Arts Center Publ. Co, 1998. – 280 p.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КУРСАНТОВ МОРСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

И.П. Мельникова, М.А. Мельникова

Морской Государственный университет им. адм. Г.И. Невельского, г. Владивосток

АННОТАЦИЯ

В ходе работы обобщены результаты исследования по профотбору и подготовке плавсостава во Владивостоке за последние двадцать пять лет, проведено тестирование личностных характеристик курсантов МГУ, а также старших механиков и капитанов Дальневосточного морского бассейна.

ABSTRACT

This project conducted a thorough analysis of the data on the last 25 years of research, conducted in the sphere of professional testing of the crews in Vladivostok. It gives an insight into the sphere of personal and professional qualities of the captains and chief engineers of the pacific merchant fleet.

К внешним условиям интенсификации труда судоводителей, обусловленных научно-техническим прогрессом, относятся: количественный рост флота и как следствие повышение интенсивности судоходства; увеличение размеров судов, что ведет к ограничению их маневренности; увеличение скорости движения судов. Первые попытки изучения и учета человеческого фактора в судоходстве и судостроительстве в Советской России предпринимались еще в 30-е годы. Подъем в исследованиях человеческого фактора в условиях моря относится к 50-60 годам, когда получили свое развитие такие науки как систематика, эргономика, инженерная психология. В середине 70-х сформировалось новое направление - эргономическое проектирование судовых систем управления. В это время учет человеческого фактора происходил на уровне психофизиологических и медицинских исследований [3].

Современное судно средней величины (длина 150 м, ширина 20 м), как трудовой пост является автономным движущимся производственным объектом и представляет собой искусственную среду обитания, приспособленную для длительного пребывания и труда малого изолированного коллектива